

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.3.6>

УДК 343.97

ББК 67.408.018

АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ КАК ПРИЗНАКА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Любовь Валентиновна Лобанова

Доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права,
Волгоградский государственный университет
up@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Лариса Николаевна Ларионова

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
Волгоградский государственный университет
up@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются различные концепции причинной связи в уголовном праве, рассматриваются их недостатки и сложности практической реализации, обусловленные локальным действием отдельных теорий причинности, привнесением в решение вопроса о причине последствия субъективного фактора – вопроса о вине субъекта, неудачными попытками разграничить обстоятельства по степени их влияния на наступивший результат и т. п.

Предпринятый анализ охватывает более шести столетий развития уголовно-правовых воззрений по проблемам причинной связи (XIV–XXI вв.) и подводит к мысли о том, что безупречное решение еще не найдено.

Авторы статьи приходят к выводу, что следует предпринимать попытки найти универсальный алгоритм для ответа на вопрос, можно ли называть то или иное деяние причиной общественно опасного результата. Но необходимо признать, что причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями в материальных составах преступления является важным, но, тем не менее, альтернативным признаком. В некоторых случаях ее заменяют иные формы детерминации, например, кондициональная связь, инспирирующая связь и др.

Ключевые слова: причина, условие, общественно опасное деяние, общественно опасные последствия, причинная связь, причинность, кондициональная связь, инспирирующая связь.

Большинством исследователей наличие причинной связи между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями признается обязательным признаком так называемого материального состава преступления [7, с. 106; 14, с. 322; 23,

с. 145]. А некоторые придают такое значение причинной связи и применительно к составам создания опасности, имея в виду генетическую связь между деянием и той реальной опасностью для объекта уголовно-правовой охраны, которая этим деянием создана [10,

с. 30]. Между тем признание обязательности причинной связи в подобных законодательных конструкциях, если это осуществляется на безальтернативной основе, по сути дела есть отрицание уголовно-правовой роли деяния, не являющегося причиной существенного вреда, хотя и выступающего для последнего необходимым условием.

Поиски ответа на вопрос, при каких обстоятельствах деяние может считаться именно причиной преступного результата, занимают несколько столетий. По свидетельству В.Б. Малинина, одна из первых концепций причинной связи между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием, получившая название исключительной причинности, начала складываться еще в XIV–XV вв. [13, с. 26–27]. Но ни ее родоначальникам (итальянские ученые Альбертус де Гандино и Ангелус Аретинус), ни их последователям (Фаринациус, Кларус, Бланкус, Баво, Дамгудер) не удалось выработать универсальные рекомендации, позволяющие во всех случаях наступления вреда для жизни и здоровья человека установить, что данные последствия порождены не чем иным, как общественно опасным поведением субъекта.

Объявление причинения лишь непосредственной зависимостью, отрицание такого в том случае, когда результат вызван не только действиями лица, но и присоединившимися силами либо индивидуальными особенностями организма, а равно в ситуации, при которой смерть могла бы быть предотвращена с помощью медицинского вмешательства, делали данную концепцию уязвимой, а ее применение локальным. Не обошлось и без не вполне оправданного использования приема юридической фикции. Так, столкнувшись с проблемой разграничения ран, безусловно смертельных и не смертельных, итальянские ученые избрали в качестве критерия для такой дифференциации количество так называемых критических дней, по истечении которых наступление смерти не признавалось находящимся в причинной связи с деянием. Последнее в этом случае, следовательно, не считалось причиной смертельного исхода.

Зарубежное законодательство, взявшее на вооружение столь ненадежный критерий¹, вряд ли в этом отношении является образцом

для подражания. Ведь продолжительность времени, по истечении которого наступает смерть в результате преступного деяния, может быть связана со спецификой самого деяния, орудий и средств совершения преступления, условий, в которых протекает последнее. С этих позиций ошибочным выглядит и признание того факта, будто бы поведение других людей либо индивидуальные особенности организма потерпевшего должны признаваться решающими факторами для констатации отсутствия причинной связи. Во многих случаях подобные обстоятельства всего лишь обеспечивают своеобразие развития такого рода зависимости.

Упомянутая теория обладала и другими недостатками. Еще А. Фейербах обратил внимание на то, что общественно опасные последствия могут быть результатом действий не только одного человека, но и нескольких лиц [24, с. 158]. Соответственно весьма затруднительна реализация сформулированных в рамках данной концепции положений относительно преступных посягательств соучастников. Не случайно ни в российской уголовно-правовой науке, ни тем более в отечественном законодательстве теория исключительной причинности не прижилась. Не используется она и в нашей правоприменительной практике.

По делу З., в частности, было установлено, что смерть потерпевшего могла бы быть предположительно предотвращена благодаря медицинскому вмешательству, которое, однако, не последовало. Это тем не менее не помешало Верховному Суду СССР признать причиной смерти потерпевшего поведение З. В решении высшего судебного органа Союза ССР было отмечено, что в такого рода ситуациях причинная связь не исчезает [5, с. 33–34]. В самом деле, если бы в упомянутом случае потерпевшему была бы сделана, скажем, удачная хирургическая операция, таковая могла бы всего лишь пресечь развитие начавшейся причинной связи, а не исключить вовсе вызванные к жизни процессы.

В теории исключительной причинности обнаруживается и еще один весьма существенный недостаток. Речь идет о подмене рассматриваемой проблемы вопросом о вине лица. Общественно опасный результат виновный должен был предвидеть. Только при этом

условии его деяние признавалось причиной наступления подобного последствия. Преодолеть этот недостаток не удалось в полной мере представителям и многих других концепций причинности, в том числе и задействованных в отечественной науке и практике. И это несмотря на господствующее в теории утверждение об объективном характере причинной связи, проявляющей себя независимо от возможностей ее осознания субъектом, – утверждение, основанное на признании философской наукой объективности одним из неотъемлемых свойств причинной связи [25, с. 295].

Одним из первых вопрос о причинной связи отделил от проблемы вины Круг, ставший основателем теории эквивалентности, известной также под названием «*condition sine qua non*» (теория необходимого условия). В XIX–XX вв. данная теория получила широкое распространение как в западно-европейской, так и российской уголовно-правовой доктрине, будучи развита Д. Глазером, М. Бури и Ф. Листом. В дореволюционной России ее сторонниками были Н.Д. Сергиевский, П.П. Пусторослев, Э.Я. Немировский, Г.Е. Колоколов. Основное положение в данной концепции заключалось в признании равенства всех условий, являющихся необходимыми для наступления результата. Человеческое поведение объявлялось причиной общественно опасного последствия, если признавалось тем обстоятельством, без которого этот результат не наступил бы. Абсолютизируя всеобщую связь предметов, явлений и процессов, теория эквивалентности позволяла привлекать субъекта к ответственности даже за отдаленные последствия, непосредственно не связанные с происшедшим. Она оказалась непригодной для использования дифференцированного подхода к ответственности соучастников, а также для разграничения видов неоконченного преступления.

А.Н. Трайнин, критикуя данную теорию, приводил следующий пример: «Врач рекомендовал матери посылать большую дочь в солнечные дни гулять. В один из таких дней мать послала дочь в сад; по дороге в сад дочь была раздавлена машиной. В понимании теории необходимых условий, – подытоживает автор, – и совет врача, и солнечный день, и действия матери – все причины смерти дочери,

ибо, не будь врачебного совета, не сияй солнце, не посылай мать дочь на прогулку, смерть дочери не наступила бы» [21, с. 108–109].

Со стремлением преодолеть указанный недостаток концепции «*condition sine qua non*» как раз и были связаны попытки отдельных ее сторонников предложить использование элементов субъективной стороны преступления в качестве критерия, позволяющего ограничить число причин.

Так, по их мнению, ответ на вопрос, могло ли лицо предвидеть наступление определенного результата, должен предопределять решение проблемы признания его поведения причиной данного последствия.

Нетрудно заметить в подобных попытках отход от упомянутого постулата учения о причинной связи, опасный забвением существования различных форм и видов вины, в содержание которой, среди прочего, включается и определенное отношение к той связи, которая имеет место между деянием и общественно опасным последствием последнего.

Критика теории эквивалентности послужила основой для возникновения и распространения новых теорий причинной связи, в частности, теорий ближайшей причины, главной причины, теории изменения равновесия между способствующими и препятствующими условиями, необходимого причинения, адекватной причинности.

Теория ближайшей причины, разработанная У. Ортманом, получила широкое распространение в английской уголовно-правовой доктрине. В России концепция поддерживалась И.Я. Фойницким.

Согласно данной теории, юридически значимыми являются лишь ближайшие последствия совершенного лицом деяния. Однако сторонниками концепции не было предложено удовлетворительных оснований для разграничения ближайших и отдаленных причин. Лишь упование на «представления среднего человека», на «здравый смысл», опять же на «количество критических дней» (как и в теории исключительной причины) не могло служить преградой для вынесения неправосудных приговоров.

Да и сам тезис, будто причина есть деяние, которое ближе всего находится к общественно опасным последствиям, весьма сомнителен.

«Если причиной наступления последствия следует считать действие человека, – верно замечает Б.В. Малинин, – которое присоединилось к причинному процессу последним и после которого наступление последствия становится неизбежным, то это может привести к отрицанию ответственности вообще, так как последними являются силы природы» [13, с. 44].

Видимо, это хорошо понимают представители судейского сообщества, которые усматривают причинность и там, где на конце причинной цепочки, вызывающей наступление вреда, оказывается вовсе не человеческое поведение.

Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 ноября 2008 г. по делу В. и П. в обоснование наличия причинной связи между действиями названных лиц и последовавшей смертью потерпевшего Т. значится: «В судебном заседании было установлено, что В. сначала наряду с П. наносил удары потерпевшему по голове и телу, затем совместно нанесли удары ножом по шее потерпевшего, после чего также совместно срезали с него одежду, оставив Т., которому в ходе избиения причинили черепно-мозговую травму, обнаженным в холодное время года на земле» [17].

В интерпретации К. Биндинга распространялась в России и теория равновесия между способствующими и препятствующими условиями. Названный исследователь действие человека считал причиной наступившего последствия тогда, когда таковое либо способствует содействующим результатам условиям, либо ослабляет противодействующие ему условия, тем самым также создавая перевес условиям, содействующим результату (подробнее об этом см.: [26, с. 108]). Согласимся с А.В. Наумовым, подметившим, что К. Биндингу, судя по данному выводу, не удалось выйти за рамки теории эквивалентности [14, с. 326]. И действительно, четкой границы между причиной и иными необходимыми условиями здесь также не проведено.

В полной мере не удалось это сделать и российскому правоведа С.В. Познышеву, позиция которого обнаруживает сходство с позицией К. Биндинга.

С.В. Познышев полагал, что причиной следует считать то, что воздействует на яв-

ления, производя в них изменения, а также то, что вызывает к жизни саму причину. Условия же, которые не являются причинами, он считал пребывающими в покое. Оценивая данную концепцию, А.В. Наумов справедливо подчеркивает, что С.В. Познышевым сделан шаг вперед в направлении ограничения условий, способных считаться причинами. «Однако, – заключает автор, – его же практические выводы из теоретических посылок вели к расширению условий как возможных причин» [13, с. 327]. Действительно, говоря о факторах, вызывающих к жизни саму причину, С.В. Познышев включал в их число и те условия, которые выразились в простом поставлении объекта посягательства под действие других факторов. С философских позиций теория С.В. Познышева небезукоризненна и потому, что не учитывает отсутствия в реальном мире явлений и процессов, которые не претерпевали бы изменений или не подвергались бы таковым.

Не имела особого успеха и попытка ученых, разработавших сходную с рассматриваемой теорией концепцию «привходящих сил». Основателем ее был немецкий ученый А. Гейер. В России данная теория развивалась Н.С. Таганцевым. Последний, понимая, что общественно опасные последствия никогда не являются непосредственным результатом поведения человека, попытался ответить на вопрос, когда действие привходящих сил не устраняет причинную связь. Однако выдвинутый им критерий «степень значительности способствования наступлению результата» [19, с. 281–289] также оказался не вполне состоятельным (см. также: [1, с. 140]).

Следует отметить, что в этой части трактовка причинности Н.С. Таганцевым напоминает тезис другой концепции – теории главной причины. Родоначальником этого учения называют К. Биркмаейера, утверждающего, что лишь необходимое условие, более других содействующее наступлению общественно опасного последствия, может рассматриваться в качестве причины в уголовно-правовом смысле.

В советском уголовном праве сходная позиция получила развитие в «теории степеней», разработанной А.Н. Трайниным. Исследователь предложил различать юридически значимые причинные связи и юридически безразличные с учетом степени причинения [21,

с. 100–119], но не указал критерия для деления такого рода степени, отдавая решение соответствующего вопроса полностью на откуп суду.

На наш взгляд, сама постановка вопроса о степени причинения не вполне оправдана. Причинная связь между деянием и общественно опасными последствиями либо есть, либо отсутствует. Вряд ли в ее развитии могут быть выделены какие-либо степени. Такого рода связь не может быть оценена как юридически безразличная, если, конечно, снова не подменять вопрос о причинности в преступлении проблемами, касающимися субъективной стороны последнего. К тому же практика показывает, что существенные последствия порой вызываются к жизни, на первый взгляд, незначительными факторами. В.Б. Малинин верно подмечает еще один весьма важный недостаток данной теории. С этой точки зрения невозможно обосновать ответственность второстепенных соучастников [13, с. 44].

В 30–40-х гг. XX в. в отечественном уголовном праве начала интенсивно развиваться теория необходимого причинения, в основном благодаря взглядам А.А. Пионтковского и М.Д. Шаргородского. Согласно их воззрениям, деяние лишь в том случае должно признаваться причиной наступившего общественно опасного результата, если оно с необходимостью, закономерно породило данный результат. А все случайные последствия данного деяния находятся за пределами интересов уголовного права [8, с. 230; 28, с. 48].

Теория необходимого причинения активно употребляется отечественным правоприменителем, особенно по делам о преступлениях против жизни и здоровья. Но и данная трактовка причинности в уголовном праве не представляется нам безукоризненной. Во-первых, несколькостораживает подмена одной пары философских категорий (причина-следствие) другой (необходимость и случайность). Во-вторых, сторонники этого воззрения не предложили практике универсального «рецепта» для того, чтобы с уверенностью установить, наступили ли негативные последствия с необходимостью либо случайно. Да и вряд ли это вообще возможно применительно к конкретным отдельно взятым ситуациям, с которыми имеет дело судебная практика, а не к

явлениям либо процессам, имеющим массовый характер.

В-третьих, вызывает сомнения утверждение, будто случайные, незакономерные явления не должны интересовать уголовное право. «Теория необходимого причинения попадает в беспомощное состояние всякий раз, – пишет В.Б. Малинин, – когда надо ответить на вопрос, как быть в том случае, если присоединившиеся побочные причины были известны самому действующему лицу, были им предусмотрены, сознательно им использовались» [13, с. 110]. Действительно, каких-либо успехов в преодолении названных недостатков сторонники рассматриваемой концепции не достигли. Как и поборники теории эквивалентности, они (сторонники концепции необходимого причинения) незаметно для себя отступили от исповедуемого постулата об объективном характере причинной связи.

Например, по мнению М.В. Талан, невозможно «говорить о развитии причинной связи без учета осознанного отношения к ней субъекта преступления» [22, с. 195].

Опасности подмены вопроса о причинной связи вопросом о психическом отношении к содеянному не исключает и ни один из вариантов теории возможного причинения. Эксплуатируя такую пару философских категорий, как «возможность» и «действительность», ученые, разделяющие соответствующую точку зрения, признавали причиной преступного результата только адекватные последнему действия лица, действия типичные, ожидаемые. В.Н. Кудрявцев, например, в одной из своих монографий отмечал: «Причинная связь может быть признана элементом состава преступления лишь в том случае, если она развивалась в следующих пределах: от сознания реальной возможности наступления вреда до ее претворения в действительность. Действие или бездействие, не создающее реальной возможности наступления вредных последствий, находится в слишком отдаленной связи с результатом и не может влечь уголовную ответственность» [11, с. 208]. Категорией «реальной возможности воздействия человека на ход событий, ведущих к наступлению общественно опасных последствий» оперировал и Т.В. Церетели [26, с. 168].

Еще одна модификация теории возможного причинения содержалась в трудах

В.С. Прохорова, по мнению которого деяние лишь в том случае может служить причиной и поэтому влечь уголовную ответственность, если оно создавало реальную, а не абстрактную возможность наступления результата, или превратившее возможность в действительность [12, с. 338–354].

При этом всем сторонникам освещаемой трактовки причинности в уголовном праве равным образом может быть адресован упрек, сделанный В.Д. Филимоновым в отношении сходной концепции, именуемой концепцией адекватной причинности. Последняя «рассматривала причинную связь не как явление объективной действительности, существующей независимо от нашего сознания, а как феномен сознания человека, его представление о типичном характере связи между поведением и его последствиями» [24, с. 159].

На «вооружении» практических работников, как приходится в итоге констатировать, нет удобной для всех случаев правоприменения теории причинной связи. Выбор той или иной концепции, судя по всему, правоприменитель осуществляет интуитивно.

Нередко суды прибегают и к таким понятиям, которые не имеют научного обоснования. Например, вывод об отсутствии признаков состава преступления аргументируется иногда отрицанием прямой причинной связи между содеянным и общественно опасными последствиями (см., например: [4, с. 18–19; 15, с. 5]).

Оценивая подобные судебные решения, невольно задаешься вопросом: откуда заимствован тезис о том, что связь между причиной и следствием должна быть именно прямой?

Попытки выработать универсальный алгоритм для ответа на вопрос, можно ли называть то или иное деяние причиной общественно опасного результата, конечно, следует предпринимать. Но думается, что современная юриспруденция и практика нуждаются также в признании уголовно-правового значения за другими проявлениями всеобщей связи предметов, явлений и процессов.

Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, В.Д. Филимонов отмечает, что уголовный закон учитывает не только причинно-следственную зависимость, но и иные виды детерминирующих связей – кон-

дициональную и инспирирующую [24, с. 169–170]. «Для уголовного права, – также пишет В.Е. Благов, – важно не то, выступает ли некоторое общественно опасное деяние причиной наступления общественно опасных последствий, а то, находятся ли они между собой в причинной связи, – существенная разница! Причем имеет значение не столько то, в каком месте причинной цепи находится общественно опасное деяние, сколько то, включено ли оно в нее» [3, с. 32].

Оба названных ученых единодушны в констатации того факта, что деяние может быть охарактеризовано как общественно опасное и в том случае, когда оно выполняет роль не причины, а другого фактора, необходимого для наступивших негативных последствий (иного необходимого условия либо повода)².

Думается, что такой подход вовсе не чреват, как может показаться с первого взгляда, опасностью расширения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности. Ведь ответ на вопрос, служит ли деяние необходимым условием либо поводом наступления вреда, не предreshает решение вопроса о наличии основания для такой ответственности, впрочем точно так же, как и ответ на вопрос, принадлежит ли общественно опасному деянию роль причины общественно опасного последствия. Предстоит еще выяснить вину лица.

Особенно важно признавать уголовно-правовое значение за иными видами детерминирующих связей при обосновании уголовной ответственности за бездействие.

Следует подчеркнуть, что большинство теоретиков вопрос о причинной связи применительно к бездействию освещают, выясняя, может ли таковое служить причиняющим фактором, причиной общественно опасного результата. Ответы тем не менее предлагаются различные.

Так, Б.С. Волков писал: «Не признавая за бездействием причиняющего значения, мы тем самым лишаем себя возможности обосновать ответственность за него» [6, с. 18]. Многие исследователи, также утвердительно решая обозначенную проблему, обращают внимание на специфику причинной связи при бездействии. Например, отмечается, что в условиях общественного разделения обязанно-

стей бездействие способно существенно влиять на общественные отношения, разрушать их. Для установления наличия причинной связи в этом случае необходимо установить все признаки, характеризующие бездействие, а затем обосновать, что именно несовершенные действия вызвало непредотвращение тех последствий, которые наступили [9, с. 46–54; 18, с. 22].

В свою очередь, отрицали причиняющие способности бездействия М.Д. Шаргородский [27, с. 55] и Г.В. Тимейко. Последний, в частности утверждал, что никто до сих пор не смог «протянуть нить, связывающую «бездействие с последствиями» [20, с. 9–10].

Последовательным противником допущения причиняющего характера бездействия является В.Б. Малинин. Понимая под причиненными отношениями (причинностью) материальное воздействие одного явления на другое, связанное с передачей вещества или энергии, он замечает, что в этом смысле по своей природе бездействие просто не способно ничего породить. Автор заключает при этом, что при бездействии «ответственность наступает не за последствия, а за сам факт бездействия как за допущение этих последствий, наступивших от иных причин» [13, с. 26, 211, 251].

Наша же позиция по вопросу о наличии причинной связи при бездействии сводится к следующему.

Мы согласны с В.Б. Малининым в том, что само по себе бездействие не порождает и не может по своей природе породить общественно опасный результат, то есть выступать его причиной. Вместе с тем мы считаем ошибочным его утверждение, будто основанием ответственности в рассматриваемой ситуации должен служить сам факт бездействия. И в этом случае связь с последствиями должна выясняться. Обязательно должен исследоваться вопрос, наступили бы соответствующие негативные последствия (вред, ущерб), если бы лицо выполнило в полном объеме лежащие на нем юридические обязанности.

Кроме того, мы считаем излишне категоричным и отрицание причинности при бездействии. Нужды практики, как представляется, требуют уточнения самого вопроса о причинной связи при такой форме преступного поведения. Он должен быть сформулиро-

ван следующим образом: какую роль в причинении общественно опасных последствий способно сыграть бездействие? Ответ на данный вопрос может быть следующим. Общественно опасное бездействие занимает в причинной зависимости с общественно опасным последствием место условия, с которым связано действие причины, породившей данный результат. Для обоснования уголовной ответственности за бездействие, следовательно, важно установить как наличие кондициональной связи деяния с наступившим результатом, так и его (бездействия) включение в причинно-следственную связь.

Столь же важно, думается, признать уголовно-правовое значение за иными вариантами детерминации и для реализации института соучастия. Объявлять поведение всех соучастников, независимо от выполняемой ими функции, причиной наступивших общественно опасных последствий было бы большой натяжкой. Так, для характеристики вклада подстрекателя скорее подходит инспирирующая связь, а для оценки роли пособника – кондициональная.

Все изложенное позволяет нам сформулировать следующий вывод. Причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасными последствиями в материальных составах преступления является важным, но тем не менее альтернативным признаком. В некоторых случаях ее заменяют иные формы детерминации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Количество критических дней устанавливалось различное (во Франции – 40 дней, в Англии – один год и один день и т. п.).

² В философии под инспирирующей связью понимают связь между поводом, то есть фактором, служащим толчком к явлению, и самим явлением [14, с. 81–89; 93–98], а под кондициональной детерминацией – связь условия с обусловленным [2, с. 3–10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций : в 3 т. / под ред. Л. В. Лобановой. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – Т. 2. – 356 с.
2. Алексеев, А. П. Причина и условие: дис. ... канд. филос. наук / Алексеев Александр Петрович. – М., 1984. – 137 с.

3. Благов, Е. В. Основы применения уголовного права / Е. В. Благов. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2006. – 208 с.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 5.
5. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1961. – № 2.
6. Волков, Б. С. Проблемы воли и уголовная ответственность / Б. С. Волков. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1965. – 136 с.
7. Галиакбаров, Р. Р. Уголовное право. Общая часть / Р. Р. Галиакбаров. – Краснодар : КубГАУ, 1999. – 280 с.
8. Герцензон, А. А. Уголовное право. Общая часть / А. А. Герцензон. – М. : РИО ВЮА, 1948. – 284 с.
9. Дурманов, Н. Д. Общие основания учения о причинной связи / Н. Д. Дурманов // Вопросы уголовного права. – М., 1944. – С. 34–55.
10. Кругликов, Л. Л. Практикум по уголовному праву. Общая часть / Л. Л. Кругликов. – М. : БЕК, 2002. – 352 с.
11. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1960. – 244 с.
12. Курс уголовного права. В 6 т. Т. 1. Часть Общая. – Л. : ЛГУ, 1968. – 648 с.
13. Малинин, В. Б. Причинная связь в уголовном праве / В. Б. Малинин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2000. – 315 с.
14. Наумов, А. В. Российское уголовное право. В 3 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 736 с.
15. Огородников, В. П. Познание необходимости / В. П. Огородников. – М. : Мысль, 1985. – 206 с.
16. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Скоробаева и Заславского № 47-097-79 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 9.
17. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 ноября 2008 г. № 4-008-112. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Ренненберг, И. Объективная сторона преступления / И. Ренненберг. – М. : Госюриздат, 1957. – 88 с.
19. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая : в 2 т. / Н. С. Таганцев – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – 380 с.
20. Тимейко, Г. В. Общие вопросы ответственности за преступное бездействие по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Тимейко Георгий Васильевич. – М., 1965. – 19 с.
21. Трайнин, А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву / А. Н. Трайнин. – М. : Госюриздат, 1951. – 388 с.
22. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундунова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2003. – 648 с.
23. Уголовное право России. Общая часть / науч. ред. А. С. Сенцов. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 428 с.
24. Уголовное право России. Часть Общая / науч. ред. Л. Л. Кругликов. – М. : Проспект, 2012. – 568 с.
25. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1981. – 445 с.
26. Церетели, Т. В. Причинная связь в уголовном праве / Т. В. Церетели. – М. : Госюриздат, 1963. – 380 с.
27. Шаргородский, М. Д. Вопросы общей части уголовного права / М. Д. Шаргородский. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. – 256 с.
28. Шаргородский, М. Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права / М. Д. Шаргородский // Советское государство и право. – 1956. – № 7. – С. 38–51.

REFERENCES

1. Lobanova L.V., ed. *Aktualnye problemy ugovolnogo prava: kurs lektsiy. V 3 t. T. 2* [Actual Problems of Criminal Law: Course of Lectures. In 3 vols. Vol. 2]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2013. 356 p.
2. Alekseev A.P. *Prichina i uslovie: dis. ... kand. filos. nauk* [Cause and Condition. Cand. philos. sci. diss.]. Moscow, 1984. 137 p.
3. Blagov E.V. *Osnovy primeneniya ugovolnogo prava* [The Basics of Applying Criminal Law]. Yaroslavl, Izd-vo YarGU, 2006. 208 p.
4. *Byulleten Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 1999, no. 5.
5. *Byulleten Verkhovnogo Suda SSSR* [Bulletin of the Supreme Court of the USSR], 1961, no. 2.
6. Volkov B.S. *Problemy voli i ugovolnaya otvetstvennost* [Problems of Will and Criminal Responsibility]. Kazan, Kazan University Publ., 1965. 136 p.
7. Galiakbarov R.R. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast* [Criminal Law. General Part]. Krasnodar, KubGAU Publ., 1999. 280 p.
8. Gertsenzon A.A. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast* [Criminal Law. General Part]. Moscow, RIO VYuA Publ., 1948. 284 p.
9. Durmanov N.D. *Obshchie osnovaniya ucheniya o prichinnoy svyazi* [The General Grounds of the Doctrine of Causal Connection]. *Voprosy ugovolnogo prava* [Issues of Criminal Law]. Moscow, 1944, pp. 34-55.
10. Kruglikov L.L. *Praktikum po ugovolnomu pravu. Obshchaya chast* [Workshop on Criminal

Law. The General Part]. Moscow, BEK Publ., 2002. 352 p.

11. Kudryavtsev V.N. *Obyektivnaya storona prestupleniya* [The Objective Side of the Crime]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 244 p.

12. *Kurs ugovnogo prava. Chast Obshchaya. V 6 t. T. 1* [The Course of Criminal Law. General Part. In 6 vols. Vol. 1]. Leningrad, LGU Publ., 1968. 648 p.

13. Malinin V.B. *Prichinnaya svyaz v ugovnom prave* [Causal Relationship in Criminal Law]. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2000. 315 p.

14. Naumov A.V. *Rossiyskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast. V 3 t. T. 1* [Russian Criminal Law. General Part. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 736 p.

15. Ogorodnikov V.P. *Poznanie neobkhodimosti* [Knowledge of Necessity]. Moscow, Mysl Publ., 1985. 206 p.

16. *Opredelenie Sudebnoy kollegii Verkhovnoy Suda RF po delu Skorobaeva i Zaslavskogo № 47-097-79* [Determination of Judicial Board of the Supreme Court of the Russian Federation on Case of Skorobaev and Zaslavskiy no. 47-097-79]. *Byulleten Verkhovnoy Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 1998, no. 9.

17. *Opredelenie sudebnoy kollegii po ugovnym delam Verkhovnoy Suda RF ot 6 noyabrya 2008 g. № 4-008-112* [Determination of Judicial Board on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 6, 2008 no. 4-008-112]. Access from reference legal system "KonsultantPlyus".

18. Rennenberg I. *Obyektivnaya storona prestupleniya* [The Objective Aspect of the Crime]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 88 p.

19. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo. Chast Obshchaya. V 2 t. T. 1* [Russian Criminal Law. General Part. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 380 p.

20. Timeyko G.V. *Obshchie voprosy otvets-tvennosti za prestupnoe bezdeystvie po sovetскому ugovnomu pravu: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [The General Issues of Responsibility for Criminal Omissions. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 1965. 19 p.

21. Traynin A.N. *Sostav prestupleniya po sovetскому ugovnomu pravu* [Corpus Delicti on Soviet Criminal Law]. Moscow, Gosjurizdat Publ., 1951. 388 p.

22. Sundurov F.R., ed. *Ugovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast* [Criminal Law of Russia. General Part]. Kazan, Kazan University Publ., 2003. 648 p.

23. Sentsov A.S., ed. *Ugovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast* [Criminal Law of Russia. General Part]. Volgograd, VA MVD Rossii Publ., 2001. 428 p.

24. Kruglikov L.L., ed. *Ugovnoe pravo Rossii. Chast Obshchaya* [Criminal Law of Russia. General Part]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 568 p.

25. Frolov I.T., ed. *Filosofskiy slovar* [Philosophical Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 445 p.

26. Tsereteli T.V. *Prichinnaya svyaz v ugovnom prave* [Causal Relationship in Criminal Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963. 380 p.

27. Shargorodskiy M.D. *Voprosy obshchey chasti ugovnogo prava* [Questions of the General Part of Criminal Law]. Leningrad, LGU Publ., 1955. 256 p.

28. Shargorodskiy M.D. *Nekotorye voprosy prichinnoy svyazi v teorii prava* [Some Questions of Causation in the Theory of Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1956, no. 7, pp. 38-51.

ALTERNATIVENESS OF THE CAUSAL CONNECTION AS CORPUS DELICTI SIGN

Lyubov Valentinovna Lobanova

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Head of Department of Criminal Law,
Volgograd State University
up@volsu.ru
Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Larisa Nikolaevna Larionova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Department of Criminal Law,
Volgograd State University
up@volsu.ru
Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the various concepts of a causal connection in criminal law, discusses the disadvantages and difficulties of its practical implementation, arising from the local influence of individual causation theories, bringing in the question of a causes' consequences the subjective factor – the issue of the fault of the subject, unsuccessful attempts to delineate the circumstances in terms of their impact on the onset of the result, etc.

The carried analysis covers more than six centuries of the criminal legal views' development on the issues of causation (14th century – 21st century) and leads to the idea that the perfect solution is not found yet.

The authors make conclusion that attempts to find a universal algorithm to answer the question whether we can call an act the cause of socially dangerous result, of course, should be taken. But we must admit that the causal connection between the socially dangerous act and socially dangerous consequences in the materially defined crime is an important, but, nevertheless, an alternative feature. In some cases, it is replaced by other forms of determination, for example, a conditionality connection, inspired connection and others.

Key words: cause, condition, socially dangerous act, socially dangerous consequences, causal connection, chain of causation, conditional connection, inspired connection.